

УДК 811.161.1:82-343

КОНЦЕПТЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СФЕРОЙ ЧУДЕСНОГО, В РУССКОЙ СКАЗКЕ И В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Крылова М.Н.

В статье на материале русских народных сказок и современного русского языка рассмотрены компоненты концептосферы, отражающие чудесное. Целый ряд концептов образует в русской волшебной сказке концептуальное магическое, сакральное пространство, создаёт сказочную атмосферу чудесного. Компонентами и инструментами конструирования сказочного мира являются концепты «иной мир», «судьба», «вера» и т.д. Основным концептом, организующим данное пространство, выступает концепт «чудо», а важной оппозицией является противопоставление «свой – чужой». Анализ сказочных концептов позволяет говорить о существовании концептуального пространства волшебства, находящего своё регулярное выражение в русской сказке. Для сказочной картины мира наличие волшебной составляющей у создающих её систему концептов естественно; это их обычная структура, не вызывающая удивления у адресатов сказочного текста. В современном языке концептуальное пространство, связанное со сферой чудесного, также присутствует. Оно здесь более вариативно: может совпадать со сказочным, а может значительно отличаться. Чудо стало чаще пониматься в метафорическом плане, сильнее выражена уверенность человека в своих силах, в возможности менять свою судьбу. В то же время наблюдается желание человека верить в чудо, но понимаемое не в сказочном, а в религиозно-мифологическом плане.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, концептосфера, русская сказка, современный русский язык, чудо, волшебство.

CONCEPTS RELATED TO THE SPHERE OF THE MIRACLE IN RUSSIAN FAIRY TALES AND IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Krylova M.N.

This paper examines the components of the conceptual sphere reflecting the miraculous, using Russian folk tales and the modern Russian language as a reference. A number of concepts form a conceptual magical, sacred space in Russian fairy tales, creating a fairy tale atmosphere of wonder. The components and tools for constructing the fairy tale world include the concepts “another world”, “fate”, “faith” and so on. The primary concept organizing this space is the concept of miracle, and an important opposition is the opposition of “us” and “them”. An analysis of fairy tale concepts suggests the existence of a conceptual space of magic, which finds regular expression in Russian fairy tales. For a fairy tale worldview, the presence of a magical component in the concepts that create its system is natural; this is their usual structure, which does not surprise the recipients of the fairy tale text. In the modern language, a conceptual space associated with the sphere of the miraculous is also present. Here, it is more variable: it can coincide with the fairy tale, or it can differ significantly. Miracles have become more commonly understood metaphorically and people’s confidence in their own strength and the ability to change their destiny has become more pronounced. At the same time, there is a growing desire to believe in miracles, but not in a fairy-tale sense, but in a religious and mythological sense.

Keywords: linguoculturology, concept, concept sphere, Russian fairy tale, modern Russian language, miracle, magic.

В лингвокультурологии концепт рассматривается как «сгусток культуры в человеческом сознании», «пучок» представлений, понятий, знаний и воображений, которыми сопровождается слово [9, с. 14]. Концепт как многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании находит выражение в языковой форме. Он может быть назван «микромоделью культуры», которая порождается ею и одновременно порождает её. У каждой из форм реализации языка есть особенности

концептуальной организации, собственная концептосфера, в том числе и у русской сказки. Одним из основных условий формирования сказочной картины мира, её концептуальной доминантой является волшебство. Концепты, связанные со сферой чудесного, привлекают внимание учёных. В первую очередь, анализируется концепт *чудо/волшебство* [1; 3; 4], а также концепты *иной мир* [5], *судьба* [10], *вера* [6].

Мир сказки основан на происходящих с героями чудесах, их обращении с волшебными предметами, перемещении по чудесным местам, встречах с фантастическими персонажами, поэтому существование в русской сказке «сказочных» концептов неудивительно. А вот в современном русском языке, при описании не сказочных, а вполне обычных событий, концепты сферы чудесного являются уже не такими ожидаемыми.

Цель статьи – рассмотреть функционирование концептов, отражающих идею чудесного, в русской народной сказке и в современном русском языке; найти сходство и отличия в обращении авторов сказки и носителей современного языка к концептам чудесного. Материалами для исследования стали тексты сборника русских народных сказок А.Н. Афанасьева [2] и тексты Национального корпуса русского языка [7].

Сказочная картина мира основана на концептах, связанных с волшебством и чудом, образующим концептуальное поле «сакральное» [8, с. 216]. К ним можно отнести концепты *чудо*, *иной мир*, *судьба*, *вера* и др. Основной из данных концептов – *чудо* (обозначение *волшебство* мы считаем вариативным и имеющим то же содержательное наполнение).

Лексическими единицами, посредством которых в сказках вербализуется концепт *чудо*, являются лексемы *чудо*, *чудесный*, *чудный*, *чудодейный*, *волшебный*, *волшебница*, *волшебство* и др.

Ключевыми характеристиками чуда в сказке являются неожиданность и небывалость: чудо возникает внезапно, нарушая привычный ход событий. Например, в сказке «Чудесная рубашка» обретение солдатом такой рубашки меняет весь ход его привычной жизни: *«Рубаха была не простая, а волшебная»*;

только надень ее – богатырь будешь» [2, с. 95]. В сказке «Свинка золотая щетинка» эту же функцию выполняет волшебный конь: *«Откуда ни взялся чудесный конь, так и храпит, копытом землю роет»* [2, с. 16].

Чудо оказывает на героев сказки большое эмоциональное воздействие: вызывает у них целый спектр чувств – от ужаса до восторга. Чудо непостижимо: его природа не поддаётся рациональному истолкованию. Впрочем, никто и не думает его объяснять, поскольку чудо в сказочном мире обладает нормативностью: в контексте сказки чудеса воспринимаются как естественная часть реальности. Например, в сказке «Рога» как об обычном явлении говорится: *«В том же самом государстве проживал доктор и имел при себе три волшебные вещи: шапку-невидимку, неисчерпаемый кошелек и тросточку»* [2, с. 49]. Иногда, правда, в русских сказках можно увидеть эпизоды, когда герои (как правило, второстепенные) удивлены волшебным событиям: *«Что за чудо! – говорят. – Сколько раз мы тут плавали, кроме воды ничего не было, а тут – на поди! – золотая беседка явилась. Пристанемте, братцы, к берегу, поглядим-полюбуюемся»* [2, с. 115]. Такие эпизоды служат движению сюжета.

Конкретными проявлениями чуда могут быть магические помощники (животные, предметы), волшебные предметы (кольцо, скатерть-самобранка, гребешок, зеркальце и др.), превращения героя, заклинания и т. д. Герой может перенестись из одного места в другое, например, в сказке «Мудрая жена»: *«Спать легли в чистом поле, а проснулись в чудесных палатах»* [2, с. 131]. Наименования волшебных предметов часто выступают названиями русских сказок: «Чудесный ящик», «Чудесная курица», «Чудесная рубашка», «Чудесная дудка», «Волшебное кольцо», «Волшебное зеркальце», «Диво дивное, чудо чудное» и др.

Чудо в сказке помогает герою преодолеть испытания (спастись, победить врага), полностью изменив к концу сказки свой статус: *«А дурак сделался королем и царствовал долго и милостиво»* [2, с. 134]. Но также чудо – вознаграждение за добродетель: оно даётся героям сказок за сострадание,

смелость, верность. Например, в сказке «Волшебное кольцо» кота Ваську, собаку Журку да и само волшебное кольцо герой Мартынка обретает потому, что был добрым человеком и не позволял злодеям мучать животных. Чудо восстанавливает баланс сказочного мира, наказывая зло и вознаграждая добро.

В современном русском языке концепт *чудо* представлен не менее активно и значимо, чем в сказках. Он имеет для современного человека прежде всего религиозно-мифологическое значение. Многими носителями языка чудо понимается как сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной или потусторонней силы. Например: *«Ахмад спрятался за его спиной, он надеялся на чудо, молил Аллаха»* (В. Никитин. *Время сладкого янтаса* (главы из романа) // «Дальний Восток», 2019) [7].

Вера в чудо представляет людям чем-то очень важным, без чего они не могут существовать: *«Они оставляют место чудесам, а в чудесах человек нуждается – такова его природа»* (Н. Непряхин. *Анатомия заблуждений*, 2017-2020) [7]. Однако, в отличие от текстов русских сказок, в современных текстах нередко звучит мысль о том, что верить в чудо, ждать его бесполезно. Например: *«Был большой успех, хотя, конечно, никаких чудес ждать не надо»* (Н. Лескова. *Мозг – это одна из величайших тайн Вселенной* // «Знание – сила», 2020) [7].

Характерны для нашего современника и высказывания о том, что чудес не существует: *«Это в рассказах бывают чудеса. В жизни чудес не бывает»* (А. Ромашин. *Жизнь не вечна* // «Дальний Восток», 2019) [7]. Жизнь представляется носителю современного языка удивительной и неповторимой, но не по причине наличия в ней чудес. Например: *«Порхали над озером стрекозы, бабочки, в прибрежных травах стрекотали кузнечики... Никакого таинства и никаких чудес. Обычное озеро в обычном лесу...»* (А. Растворцев. *Отраженные облака* // «Дальний Восток», 2019) [7].

Русскому народу в сказках свойственно понимать чудо метафорически и называть чудесным прекрасное, привлекающее внимание, например: *«Пирожок Василисы Премудрой вышел так хорош, так пригож, просто чудо!»* [2, с. 168],

*«А лягуша пошла, сбросила с себя кожух, оделась **чудо как!**»* [2, с. 262]. Это говорит о постепенном расширении представлений о чудесном в народном восприятии.

В современном языке метафорическое понимание чуда как чего-то поразительного, как явления или объекта, вызывающего восхищение своей необычностью, встречается ещё более часто. Акцент смещается на восхищение технологиями (*чудеса техники, чудо инженерной мысли*). Например: *«И CFP8, к примеру, представляет собой настоящее **чудо инженерной мысли**, с интегрированными лазерами и драйверами, высокопроизводительными фотодиодами и микроконтроллерами, встроенными в очень маленький форм-фактор»* (А. Кочуков. 400 Gigabit Ethernet – что представляет собой новейший стандарт? 2019) [7].

С помощью концепта *чудо* говорящий на современном русском языке выражает своё удивление природными явлениями: *«Ниспадающий до земли изумительный пух светло-бежевого цвета завораживал, делая нереальным это **чудо природы...**»* (Г. Быкова. Лорд и хозяйственное мыло // «Дальний Восток», 2019) [7]. Также концепт *чудо* помогает передать эмоциональную оценку явлений и событий: *«Мама, где ты такой замечательный шампунь купила? Посмотри на это **чудо!**»* (Там же). Актуален он и при обозначении чего-то, сотворённого людьми, их руками: *«Сделать такое фетровое **чудо собственными руками!**»* (В. Зверовщиков. Дело в шляпе // «Дальний Восток», 2019) [7].

Концепты сферы чудесного в русских народных сказках отражают двоемирие, демонстрируют амбивалентную природу сказочной концептосферы, поскольку основаны на противопоставлении двух миров – «своего» и «чужого», доброго и злого. Больше внимание в сказках уделяется описанию «чужого», иного мира, что связано с желанием разобраться в нём, найти объяснение происходящим в событиям. Этот мир тоже имеет отношение к сфере чудесного, потому что является волшебным. Иной мир – пространство, где действуют сверхъестественные законы. Для преодоления границ между мирами герою

нужно использовать чудесные предметы, волшебных персонажей, преодолевая при этом значимые преграды (реки, годы, моря, леса, большие расстояния). Например: *«Медведь простил их и повез в свое царство: горы всё выше да круче»* [2, с. 75]. Иногда нужно спуститься под землю: *«Долго ли, коротко ли – набрел Иван на подземный ход. Тем ходом спустился в глубокую пропасть и попал в подземное царство, где жил и царствовал шестиглавый змей»* [2, с. 202]. Иной мир – это место, где возможны преобразование и исполнение желаний, откуда герой возвращается другим человеком. Чудо становится инструментом преодоления границ между мирами и раскрытия возможностей героя.

Иное царство в русской сказке часто ассоциируется с мечтой о преобразении мира. Отправляясь туда, герои стремятся к победе над старостью, болезнью, смертью. Там они ищут «живую воду», «молодильные яблоки», «жар-птицу» – символы исцеления и возрождения.

В концептуальной сфере нашего современника сказочная трактовка иного мира отсутствует. Понятия *тот свет*, *иной мир* обозначают исключительно смерть: *«Они продолжали тихую жизнь в его душе – независимо от того, отправились ли в **иной мир** или были всё ещё живы»* (Е. Водолазкин. Лавр, 2012) [7]. В зависимости от религиозных убеждений человека находится возможность посмертного существования души, однако иного мира как чудесного сказочного пространства мы в мировосприятии современного человека не обнаруживаем. Однако наш современник проявляет знание о древних верованиях своих предков, в том числе языческих, и о том, какое место в этих верованиях заменял иной мир: *«В данном случае этот обряд связан с огнем и, соответственно, с печью как с материнским лоном, как с некой дверью в **иной мир**»* («Постнаука», 2018) [7], *«Уходом невесты в **иной мир**, “чужую сторону”, завершилась первая часть свадебного ритуала»* (М. Альбедиль. О ритуальном символизме свадьбы // «Теория моды», 2014) [7].

Судьба в народном сознании – нечто неотвратимое, предопределённое, с чем не следует бороться, от чего нельзя отказываться, что надо нести, как груз:

«Жили они втроем тихо и мирно, на судьбу не жаловались» [2, с. 73], *«Царевич потужил-поплакал, да ведь со дна моря не воротишь; видно, такова судьба ей назначена!»* [2, с. 106]. Эта идея вербализуется с помощью сочетаний *такая (такова) судьба, не судьба* и др. В то же время можно помогать своей судьбе, быть активным, и это будет вознаграждено. Для начала герою просто необходима решительность: *«Родимый мой батюшка и родимая матушка! Благословите меня – я сам пойду искать свою **судьбу**»* [2, с. 170]. Затем преодоление судьбы, выстраивание новой жизни становятся возможными благодаря чудесам. Например, младшая дочь в сказке «Пёрышко Финиста ясна сокола» отправляется в дальний путь (иной мир), преодолевает испытания, чтобы вернуть возлюбленного. Решимость и верность меняют её судьбу.

Тема неизбежности судьбы встречается и в современном языке: *«И так сложилась **судьба**, что я стал не просто географом, а именно гляциологом»* (Н. Лескова. «Антарктида – любовь моя» // «Знание – сила», 2020) [7], *«Видимо, **такова судьба** пророков – прозревая будущее стран и народов, не видит того, кто рядом!»* (Е. Сьянова. Прощай и здравствуй! // «Знание – сила», 2011) [7]. Но сегодня актуализируется присутствующее и в сказочном мире стремление человека делать собственный выбор, не смиряться, а самостоятельно справляться с трудностями. Например: *«Недаром говорят, что, выбирая профессию, человек выбирает свою **судьбу**»* (А. Ефимова. Разработка учебного занятия, 2021) [7].

В русских сказках концепты *вера* и *чудо* образуют единый смысловой комплекс. Вера служит нравственной основой поступков героев, а чудо способствует достижению героем того, во что он верит, реализации его ценностей и идеалов. Эта связь отражает как христианские, так и более древние, языческие представления о мире, где сверхъестественное и нравственное тесно переплетены.

Чудо в русской сказке выступает как следствие веры. Победа добра над злом часто изображается как чудо, которое становится возможным благодаря вере героя в высшие нравственные начала, в справедливость, в Бога, просто в

доброту. Например, в сказке «Царевна-лягушка» чудо становится возможным именно потому, что Иван-царевич не утратил веры; несмотря на унижения и насмешки, не отказался от своей жены-лягушки. Герой совершает ошибку, но готов искупить свою вину, опираясь на веру: *«Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все на четыре стороны и пошел куда глаза глядят»* [2, с. 266]. Благодаря верности и раскаянию он получает помощь волшебных помощников (медведя, селезня, зайца, щуки), у него получается одолеть Кощея и вернуть Василису Премудрую.

Вера – это условие для чуда во многих сказках. Герои, которые проявляют добродетели (любовь, трудолюбие, щедрость), часто получают чудесную помощь. Вера в добро и справедливость делает их достойными чудесного вмешательства. Например, в сказке «Чернушка» воспроизводится сюжет о Золушке. Падчерица Чернушка – добрая и трудолюбивая девушка. Два голубка помогают ей выполнить задание мачехи, и она покоряет князя на празднике, а затем, убегая, теряет башмачок. В попытке натянуть башмачок на свои ноги противные старшие сёстры, дочери мачехи, отрезают себе большие пальцы на ногах, а голубки ещё и помогают отомстить обидчицам: *«Как воротились из церкви, голубки вспорхнули, кинулись на мачехиных дочерей и выклевали у них по глазу»* [2, с. 318].

В современном языке концепты *вера* и *чудо* тоже связаны, и даже не менее тесно, чем в русских сказках. Здесь вера тоже выступает условием чуда. Например: *«Главное, чтобы человек верил, а вера творит чудеса»* (М. Марина. Витька-колдун // «Дальний Восток», 2019) [7]. Но чаще вере придаётся религиозно-мистическое значение: *«Подлинная христианская вера может служить опорой в противостоянии глобальному хаосу»* (А. Глинчикова, А. Веретевская. По ту сторону глобального беспорядка // «Век глобализации», 2019) [7]. Также звучит мысль о вере как заблуждении: *«Я должен признать: вера действительно делает нашу жизнь проще»* (Н. Непряхин. Анатомия заблуждений, 2017-2020) [7].

Итак, концепты, отражающие различные элементы народного сознания, формируют и оживляют пространство чуда, заключённое в русскую сказку, а затем служат сохраняющими данное пространство когнитивными и лингвокультурными средствами.

Концепты, формирующие чудесное пространство, выступают значимыми компонентами концептосферы волшебной сказки. Остаются важными они и для нашего современника, отражая представления русских людей о волшебной (мистической, сакральной, религиозной, сверхъестественной) составляющей мира, которая обуславливает течение жизни человека. Концепты, связанные со сферой чудесного, отсылают к таким архаичным особенностям народного сознания, как вера в чудо, в существование высших сил, в сверхъестественные свойства животных и предметов.

В основе картины мира русской сказки волшебство является базисной установкой для понимания всего происходящего с персонажами и вообще основой для существования того пространства, которое формируется в сказке. Можно выделить целый комплекс концептов, являющихся средствами реализации и условиями формирования данного волшебного пространства, воплощающих в своей структуре и содержании традиционную культурную информацию, мифоязыческую сторону традиционной народной культуры. Для сказки это не просто содержательные концепты, участвующие в формировании образов персонажей, строении повествования и движении действия, а отражающие народное сознание средства конструирования особого сказочного мира, в котором различные компоненты взаимодействуют друг с другом по магическим, сакральным законам.

Представление о вечности жизни, мира и времени, о синкретизме человека и природы, их родстве, осмысленности человеческого существования, понимание действительности как не до конца определённой и познанной, допускающей магические повороты, есть и в мировоззрении нашего современника.

Концепт *чудо* продолжает существовать в современном русском языке, но меняет здесь своё наполнение. Чудеса могут восприниматься в религиозно-мифологическом смысле, но чаще звучит мысль о том, что чудес не бывает, ждать чуда бесполезно. Чудом в иносказательном смысле называют творения человека, технические и природные явления. Метафоризация чудесного, которая встречалась и в русской сказке, в современном языке стала основным способом его толкования.

Наибольшие расхождения отмечаются в трактовке «иного мира»: в русской сказке он выступает как компонент чудесного пространства, в современном языке связан только с миром мёртвых, пространством послежизни, которое каждый носитель языка понимает по-своему.

Список литературы:

1. Абышева Е.М. Инверсии концепта 'чудо/miracle' в русских и ирландских сказках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36. С. 5-9.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2 / Изд. подг. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков; отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов. М.: Наука, 1985. 463 с.
3. Карпова В.В. К вопросу об изменениях в структуре концепта чудо в русской волшебной сказке (на примере региональных текстов) // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2014. № 1. С. 609-614.
4. Киселева Н.В. Концепт «волшебство» на материале русских сказок и их перевода на английский язык // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: Мат. всерос. науч.-практ. конф. М.: МГОУ, 2022. С. 150-157.
5. Комарова М.М., Черноусова И.П. Концепт «иной мир» в сказочной картине мира // Русская словесность как основа Русского мира: Мат. XV междунар. форума. Липецк: ЛГПУ, 2020. С. 221-223.

6. Моспанова Н.Ю. Семантическое наполнение некоторых лексем, представляющих концепт вера в русской народной сказке // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 651-657.

7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Ruscorpora.ru [сайт]. 2025. URL: <https://goo.su/Z0X6xK> (дата обращения: 05.05.2026).

8. Островская К.З. Метаконцепт путь-дорога в народной волшебной сказке как выражение непреложного нравственного закона // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 9. С. 216-220.

9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

10. Чжао Х. Противоречие концепта «судьба» в образе героя русской народной сказки // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Тр. и мат. междунар. конф.: в 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. Казань: КФУ, 2019. С. 248-252.

Сведения об авторе:

Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, консультант редакционного отдела Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского государственного аграрного университета (Зерноград, Россия).

Data about the author:

Krylova Maria Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Editorial Department Consultant, Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of Don State Agrarian University (Zernograd, Russia).

E-mail: krylovamn@inbox.ru.